

ПОЛИНА ЕЛИЗАРОВА

СОБАЧИЙ РАЙ

Москва
2023

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е51

Редактор серии *В. Горюнова*

Оформление серии *Е. Петровой*

В коллаже на обложке использованы фотографии:
© Pafnuti, Forrest9 / Shutterstock.com
В оформлении форзаца использована иллюстрация:
© Lumitar / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Елизарова, Полина.

Е51 Собачий рай / Полина Елизарова. — Москва : Эксмо, 2023. — 448 с.

ISBN 978-5-04-165772-7

Последний день мая круто изменил жизнь бывшего следователя Самоваровой. Варвара Сергеевна вынуждена взять под опеку чужого ребенка и скрыться на даче, а дальнейшие события превращают привычные будни в настоящий квест: нелепая и дикая смерть соседа, загадочный гость из другого мира, восставшие тайны прошлого и всепрощающая любовь...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Елизарова П., 2023

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-165772-7

1

«Угораздило же эту чертову дрянь возникнуть снова!» — бесилась, собираясь на выход, Самоварова.

Утро не задалось с самого начала.

Как только встала с кровати — все валялось из рук.

Сначала она запнулась о сланец доктора, который почему-то валялся у дверного проема, и больно, до рези в глазах, ударилась большим пальцем ноги о косяк.

Кран в ванной выдал только холодную воду — как позже выяснилось, у соседей по стояку случилась протечка и сантехникам на время пришлось перекрыть горячую. Пока дозванивалась в управляющую компанию, сбежал кофе. Несмотря на наличие в доме солидной кофемашины, Варвара Сергеевна предпочитала пить кофе из турки.

Затем, уже не на шутку заведенная и размашистая в движениях, она облила любимый шелковый халат свежесжатым соком, заботливо оставленным мужем.

А еще так некстати закончилась тушь для ресниц! Пришлось по старинке разбавлять водой.

Встреча с гардеробом тоже прошла нерадостно — прошлогодние льняные брюки болтались на талии, утончившейся за суматошную, полную новых забот весну, а колени у самых классных джинсов неожиданно оказались растянутыми.

С грехом пополам собравшись, Варвара Сергеевна решила не трогать сегодня мотик, а пройти пешком, и пото-

му напялила мешковатое, не самое любимое, зато удобное бледно-сиреневое трикотажное платье — подарок дочери на Восьмое марта.

Был последний день мая, и все вокруг ликовало в предвкушении грядущей «маленькой жизни» — лета¹.

Гоняли на скейтах и самокатах, так и норовя сшибить прохожих, беспечные подростки; бабульки, забыв про ковид, оккупировали дворовые лавки и провожали прохожих настырными въедливыми взглядами, девицы разрядились в пух и прах и отвыкшими за зиму от высоких каблуков ножками, кто чуть прихрамывая, кто косолапя, не вспоминая про необходимый ныне атрибут — маску, неслись навстречу своим обманчивым мечтам.

У Самоваровой со вчерашнего вечера в душе был полный раздрай — в ее жизни вновь объявилась Регина.

Эта дрянь была хорошим психологом.

Сообщение на Вотсап она прислала в девять вечера — умело рассчитанное время, когда любой человек, устав от суетливого дня, посвящает себя семье, а биологические часы уже настраиваются на «режим сна».

Написала она следующее:

«Аря, клянусь, обратиться больше не к кому! В моей жизни полная жопа, мне очень нужно с тобой встретиться. Не бойся, деньги не нужны!!! Буду ждать тебя завтра в нашем кафе на Невском в 13.00. Умоляю, приди! Целую».

Когда это чертово послание прилетело, Варвара Сергеевна как раз закончила утомительный разговор со своей Анькой.

Дочь, четыре года назад ставшая матерью, в течение пятнадцати минут в своей обычной эмоциональной манере выносила ей мозг. Перебивая и не давая вставить ни слова, жаловалась то на мужа, то на маленькую дочку, обвиняя не только их, но даже милейшего пожилого районного педиатра в махровом эгоизме.

¹ Отсылка к песне Олега Митяева «Лето — это маленькая жизнь» (ст. Олега Митяева, муз. Константина Тарасова).

Наспех простившись с дочерью и нажав отбой, Варвара Сергеевна, привыкшая раскладывать все по полочкам, уяснила для себя следующее:

1. Ее дочь устала.
2. Ее дочь смертельно устала.
3. Приходящая через день «безрукая» и «душная» няня устала тоже.
4. Летом девочке в кишачем ковидными больными городе будет плохо.
5. Денег снять дачу у молодых родителей, планирующих потратиться на новую машину, нет.

Ощущая после разговора привычную опустошенность, Самоварова прикрыла глаза. Но, едва она хотела, применив дыхательную гимнастику, восстановить энергию, как мобильный настырно булькнул поганым сообщением.

Регину она в последний раз видела почти пять лет назад, в странную новогоднюю ночь, и хоть и молила небеса о том, чтобы это была их последняя встреча, но, повинувшись какому-то неясному предчувствию, номер чертовки из контактов не удалила.

Первое, что она почувствовала, когда прочла сообщение, было сожаление о том, что, простившись тогда с Региной (как опрометчиво полагала — навсегда), не сменила номер мобильного.

Самоварова встретила вернувшегося с работы доктора, крутя в голове возможные причины внезапного желания самоназначенной «доченьки» повидаться.

Соорудив на скорую руку ужин — стейки из семги и салат, Варвара Сергеевна, не переставая думать о Регине, невольно отвечала на вопросы Валерия Павловича.

Доктор же, как назло, разговорился.

Пока Варвара Сергеевна прибирала после ужина на столе, он заварил травяной чай, почти без пауз рассказывая свои «врачебные» новости.

Обратив наконец внимание на рассеянность супруги, он шутливым тоном принялся расспрашивать, как прошел день.

Варвара Сергеевна неохотно рассказала о разговоре с дочерью.

— Замоталась девчонка, неплохо бы им с Линой отдохнуть, — многозначительно глядя на жену, подытожил доктор.

— Так поехали бы они втроем куда-нибудь... Допустим, в Сочи.

— Вероятно, у них сейчас нет такой возможности. Да и у Олега с отпуском пока ничего не известно.

— И что ты предлагаешь? — не глядя на доктора, спросила Варвара Сергеевна и схватила из вазочки с залежалыми шоколадными конфетами одну, в яркой обертке.

Она прекрасно понимала, куда он клонит.

— Что предлагаю? Я уже предлагал не раз. Свою дачу.

— Валер, — ей было нелегко вести с доктором подобные разговоры, — ты же знаешь, мне всегда было непросто с Аней... А теперь, когда у нее развился очередной невроз, связанный с малышкой, взаимодействовать с ней круглосуточно будет для меня невыносимо...

Дочь свою Варвара Сергеевна очень любила.

Преимущественно — на расстоянии.

За пару-тройку часов личного общения лимит позитива, на который она настраивала себя перед встречей, увы, исчерпывался. Ее дочь была хорошим и искренним человеком, вот только изумительно бестактным, а еще нетерпеливым и неуравновешенным.

И внучку она портила.

Малышка Анжелина благодаря бесконечному кудахтанию Аньки не отличалась покладистым характером и росла не по возможностям родителей чрезмерно требовательной. Новая игрушка надоедала ей уже через пару дней, а если не удавалось получить желаемое по-хорошему, ее гибкое детское подсознание всякий раз придумывало и рождало какую-нибудь болячку.

В последний год, когда дочь, начав сходить с ума от бытовухи, вернула себе три рабочих дня, расписанных по часам в «зуме», болячки Анжелины так и сыпались одна за другой. Не успевала Варвара Сергеевна по настоянию Аньки (няньке дочь не слишком доверяла) примчаться к ним

и заварить кукурузных, для выгона желчи, рылец, как дочь звонила или писала и жаловалась, что у девочки саднит горло или заложило нос.

Педиатр из районной поликлиники, пожилой, глубоко несчастный еврей, очарованный Анькиной кипучей женской энергией, практически прописался в их доме, и в рамках полиса ОМС Анжелине обследовали все, что можно, и ничего серьезного не нашли.

Два раза в неделю к малышке ходили репетиторы — один учил ее английскому, другая — французскому. У дочери, переводчика с французского, с энтузиазмом занимавшейся языком со студентами вузов и школьниками, на родную дочь не хватало терпения.

Еще малышку водили на плавание и гимнастику.

С позиции возраста и пусть и не однозначно положительного, но все же материнского опыта Варвара Сергеевна не раз пыталась объяснить дочери, что ребенок, чувствуя эмоциональную неустойчивость матери, манипулирует ею и что серьезная для столь юного возраста нагрузка не идет на пользу неокрепшей нервной системе.

Подобные разговоры неизменно заканчивались конфликтом.

На все аргументы матери Анька вытаскивала пикового туза: «Я хочу, чтобы моя дочь имела все самое лучшее, а не росла, как я, между соседками, вечно занятыми своими делами бабками и детским садом».

Олег, счастливый отец, вкалывавший на двух работах, от воспитания малышки был практически отстранен, а доктор, обожаемый Анькой отчим, не лез в непростые отношения теперь уже трех дам, ставших членами его семьи.

— Мне кажется, ты сможешь найти в себе силы и справиться с этим, — тоном заслуженного и подуставшего к концу рабочего дня врач сказал Валерий Павлович. — Это ведь все ради девочки... На даче ей будет хорошо.

— Конечно! — Варвара Сергеевна развернула конфету и машинально положила в рот. — Спасибо, Валер, — сухо добавила она, — за твое волшебное предложение.

Кроме раздражения, этот разговор никаких других эмоций у нее не вызвал. К тому же думала она в тот момент все не о дочери и внучке, а о чертовой Регине.

Воспоминания о Регине не давали заснуть.

Под мирное сопение уставшего за день Валеры Самоварова, мусоля в руках телефон, полночи проторчала в интернете: желая хоть на что-то отвлечься, читала ленты. Начав с новостей о том, что происходит в стране и за ее пределами, она незаметно перешла на обзоры косметических средств от модных блогерш, затем скатилась до слухов и сплетен из жизни селебритиз, совершенно ей не интересных.

Регину близкие — доктор, Анька и Олег — видели лишь раз, в ту странную новогоднюю ночь.

Самоварова представила ее как бывшую сослуживицу; домашних, хоть им и показалось тогда необычным появление в их тесном семейном кругу незнакомого человека, это объяснение как будто удовлетворило.

Все, что было связано с этой женщиной, ощущалось темной и опасной энергией, похожей на надвигающуюся, готовую все поглотить волну.

Регина была нездорова душой.

А еще хитра и коварна.

Но от тяжелого, ненужного и глубинного чувства вины за исковерканную обстоятельствами жизнь этой дряни Варвара Сергеевна избавиться так и не смогла.

Выйдя на Невский, Варвара Сергеевна на ходу набрала Аньку.

— Доча, мы тут с доктором вчера подумали, — замедлив шаг, не слишком уверенно начала она. — Почему бы тебе с малышкой не пожить у него на даче?

На другом конце связи напряженно молчали.

— Ну... А ты? — раздался ожидаемый вопрос.

— Мы будем с доктором приезжать. По пятницам или субботам, на выходные. И Олег твой, вероятно...

— Здорово придумали! — хмыкнула дочь. — Чтобы я одна с ребенком всю неделю сидела в чужом доме, в лесу!

— Не надо так рассуждать. — Варвара Сергеевна попыталась придать голосу уверенности, которой не было у нее самой. — Во-первых, это не чужой дом в каком-то лесу, а вполне комфортная для проживания дача. Во-вторых, это *наша* с доктором дача.

— Мам! — перебила Анька. — Ты прекрасно понимаешь, о чем я! Олег сейчас отпуск взять не может, а без помощника нам с Линкой делать там нечего. Я одного не могу понять: разве ты так сильно занята, что не можешь поехать с нами? — выпалила она именно то, что Самоварова ожидала и боялась услышать.

— Возможно, ты не помнишь, но я тоже работаю. А еще живу с женщиной, которому... за которым нужен уход... — прибавила Самоварова совсем вялый и глуповатый в наше время даже на слух аргумент.

Валерий Павлович, проживший большую часть жизни холостяком, прекрасно справлялся с бытом и даже частенько сам готовил еду. И Анька об этом, конечно, знала.

— Уход?! Он что, тяжелобольной?! Он вон ковидом два раза переболел — не заметил! — продолжала нападать дочь. — Насколько понимаю, твоя деятельность у Никитина не требует постоянного присутствия в офисе. Ты же фрилансер. У тебя есть ноут, а инет сейчас есть везде.

— Да, но... — Меньше всего Самоваровой хотелось оправдываться перед дочерью. — Мне нередко приходится встречаться в городе с людьми.

— И что?! Села на свой мотик — и поехала! — тоном недовольной начальницы бубнила дочь. — А Палыч твой целых шестьдесят лет без твоего ухода обходился.

Варвара Сергеевна почувствовала, что начинает закипать.

— Дорогая моя, — после паузы ледяным тоном продолжила она, — я взрослый человек, и позволь мне без твоего участия оценивать нашу с доктором жизнь. Жаль, что приходится говорить тебе, давно взрослому человеку, столь очевидные вещи.

— Очевидное заключается в том, что ты не хочешь жить со мной на комфортабельной, как ты выражаешься, даче.

При этом считаешь, что мне с маленьким ребенком и без помощи там будет норм.

— Я никак не считаю! Вчера ты жаловалась, что Лине в городе плохо. Мы с доктором предлагаем решить этот вопрос без дополнительных финансовых затрат. Что опять-то не так?!

В порыве эмоций Варвара Сергеевна остановилась посреди дороги, и встречный полнецкий мужчина, спешивший куда-то в «весеннем», в красно-зеленую клетку, пиджаке, громко чихнув, с любопытством на нее оглянулся.

Два молоденьких, щедро украшенных тату и дымивших «электронками» парня, нахально стоявшие посреди тротуара, скользнув по толстяку взглядом, над чем-то от души загоготали.

— Что за шум? Ты идешь куда-то? Ладно... — выдавила Анька. — Обсужу с Олегом, сообщу. И... ты контактируешь с ребенком, не забывай, пожалуйста, надевать маску в общественных местах.

Варваре Сергеевне мучительно захотелось выругаться матом.

— Договорились, — ответила она и нажала отбой.

Надев перед входом ненавистную маску, она вошла в кафе взвинченная пуще прежнего.

Тоненькая, совсем еще девчонка, официантка с черным лоскутком на пол-лица любезно указала на свободный столик.

— Я могу сесть у окна? — Самоварова кивнула в сторону стоявшего в проеме большого арочного окна столика, за которым когда-то сидела с Региной.

— Пожалуйста... — немного недовольно протянула та.

Кафе было обычным, не статусным, и бронирование здесь не входило в систему обслуживания. Вероятно, кто-то попросил девчонку этот столик попридержать.

Варвару Сергеевну на долю секунды накрыло желание уступить, но делать этого она не стала и, не глядя на официантку, уверенно прошла к окну.

Девушка молча положила перед ней меню.

Дождавшись, когда она отойдет, Варвара Сергеевна стянула маску на подбородок. Пролистывая ламинированные страницы с яркими картинками десертов и всевозможных вариантов кофе, Самоварова удрученно думала об Аньке и внучке.

«Варя, всегда помни: это ее, а не твой ребенок!» — весь-ма кстати, отмазкой для совести, всплыли в памяти слова, которые как-то произнес Валерий Павлович, когда дочь в очередной раз пыталась грузануть ее своими семейными проблемами.

Но в ней тут же недовольно завозилось нечто глубинное, кровное, связывающее невидимыми ниточками с дочерью, то, к чему неприменимы разумные аргументы.

Особых дел у нее сейчас в городе не было.

За совместное частное расследование, которое завершилось пару недель назад, Никитин на днях с ней рассчитался, других заказов пока не поступало.

Сотрудничество с бывшим начальником и бывшим любовником, с поправкой на новый, все больше заочный формат работы, сделало жизнь Варвары Сергеевны хоть и не такой живой и насыщенной, какой она была до болезни и увольнения из органов, но все же насыщенной и совсем не скучной.

Принципиальное отличие от прежней работы заключалось в том, что ей пришлось за короткий срок освоить множество полуправильных и нелегальных поисковых баз и научиться работать с популярными соцсетями.

По большей части ее задача заключалась в составлении психологического портрета интересующего заказчика объекта, что позволяло делать прогноз его дальнейших действий или же, применяя анализ, искать причины возникшей в прошлом конфликтной ситуации между заказчиком и объектом.

Для составления полноценной картины нередко приходилось наблюдать за объектом — с соседних столиков ресторанов или кафе, которые он облюбовал.

Делами криминального типа, которые требовали оперативной работы, полковник занимался сам, подключая к частному расследованию дружественных полицейских.

От юрлица полковника на карту Самоваровой приходили деньги «за оказанные консультации», налоги самозанятая Варвара Сергеевна платила сама.

Ввиду всех этих обстоятельств она, конечно, могла в любой момент взять отпуск, в силу сорокалетней дружбы с Никитиным — хоть на все лето.

Вот только копаться в инете, вести наблюдение и анализировать мотивы подозреваемого было куда интересней, чем колготиться целыми днями по хозяйству рядом с беспокойной дочерью и требовательной внучкой.

— Что-нибудь выбрали? — незаметно подошла и нависла над ней тоненькая официантка.

— Э... жду знакомую. Закажем, когда придет.

Варвара Сергеевна увидела в окно, как к кафе подъехала «Яндекс»-такси эконом-класса.

Открылась задняя дверца, и из машины вышла яркая, высокая и худая блондинка.

Следом, смешно пятясь задом, вылез ребенок, одетый как маленький денди: в темные брюки, полосатую рубашечку и бархатный, винного цвета, жилет.

Длинноногая молодая женщина, в больших, закрывавших пол-лица черных очках, в обтягивающих лосинах и белой майке-размахайке больше смахивала на звезду Инстаграма, чем на заботливую мамашу, — хотя в наше время большинство инстаграмных мамаш примерно так и выглядит.

В руке женщины был пухлый рюкзачок с принтом известного модного дома.

Варвара Сергеевна почувствовала, как что-то кольнуло в самое сердце — сомнений не было, это была Регина, в очередной раз поменявшая стиль и цвет волос.

Ожидая, когда парочка зайдет в кафе, Самоварова судорожно прокручивала в голове возможные варианты грядущего разговора.

«И что же ей нужно?! Неужто хочет с моей помощью разыскать отца мальчишки? Так у нее ищеек полно... А на просторах инета она шарит почище моего. Сколько сейчас ее ребенку? Эта дрянь залетела примерно тогда же, когда

и Анька. Значит, родился в конце лета. Получается, как и Линке, около пяти...»

С места, где сидела Варвара Сергеевна, вход в кафе не просматривался.

Прошла минута-другая, а Регина так и не появлялась.

Самоварова напряженно следила за проходом, ведущим к дверям в туалетные комнаты — по нему продефилировали две шумные, нарядные, средних лет дамы. Одна из них передала подруге самую престижную в мире большого размера сумку и юркнула за дверь.

Прошла еще минута-другая.

Варвара Сергеевна заметила какое-то оживление: тоненькая официантка и ее коллега, молодой парень, стояли к Самоваровой спиной и, склонив головы, с кем-то разговаривали.

Когда они расступились, Варвара Сергеевна увидела, как мальчик, вышедший с Региной из такси, с трудом удерживая на плече рюкзачок с принтом, движется в ее сторону.

— Вот она! — Он обернулся на сотрудников кафе и ткнул пальцем в Самоварову. — Аря! Моя бабушка!

К столику, следом за мальчиком, уже спешил мужчина в темной униформе, судя по осанке и нетерпеливому выражению лица — управляющий.

— Добрый день. Это ваш ребенок?

Но мальчишка, чья жилетка винного цвета раздражала глаз, не дал опомниться:

— Да! Это — Аря. Варвара. Моя бабушка по маме.

Самоварова уставилась на него изумленным взглядом и тотчас заметила, что в его черных, обрамленных пушистыми густыми ресницами глазах сквозила отчаянная мольба.

— А... где твоя мама? — только и выдавила она из себя.

— Уехала. Сказала побыть с тобой.

— Это ваш ребенок? — настойчиво повторил свой вопрос управляющий.

Самоварова неуверенно кивнула.

Управляющий несколько секунд постоял у столика и, что-то прикинув про себя, отошел.

Мальчишка уверенно потянул к себе свободный стул и, слегка помогая себе ручонками, ловко на него взобрался.

На скуластом смугловатом лице мелькнула не то боязливая, не то глумливая улыбка. Если бы не детская нежность кожи и черт лица, этот разряженный мальчишка скорее напоминал бы юного карлика, чем маленького ребенка.

В горле у Варвары Сергеевны пересохло.

— Надолго она отъехала? Твоя мама?

Варвара Сергеевна поглядела на рюкзачок, который он, перед тем как сесть, плюхнул на пол рядом со стулом.

— Непонятно, — пожал плечами мальчишка.

Голова гудела.

Она совершенно не понимала, как выстраивать дальнейшую беседу.

— Пять минут назад я видела твою маму в окне. Вы вместе приехали сюда на такси!

Мальчик кивнул и по-хозяйски придвинул к себе меню.

— Можно мне пирожное заказать? И лимонад? — скорее констатировал, чем спросил он. — Ты же сегодня при деньгах? — окончательно огорошил он Варвару Сергеевну.

— Э... а мама твоя что думает на этот счет?

Теперь мальчик глядел лукаво:

— Она про это не сказала.

Конечно, не сказала. Мальчишке не было еще и пяти. И с чего бы ему быть тактичным?! Тем паче с такой мамашей...

— А что она сказала?

— Сказала найти тебя в кафе. И передать вот это...

Мальчик смахнул со лба налипшую прядь волос, деловито залез во внутренний карман вампирской жилетки и протянул Варваре Сергеевне сложенный вчетверо белый лист.

Выхватывая его из рук мальчишки, Самоварова уже знала — содержимое бумаги не предвещало ничего хорошего. Если бы сейчас этот малыш клацнул зубами и обнажил клыки, она бы не удивилась.

«Аря. Прости. Я вынуждена срочно уехать. Люди из прошлого не дают нам спокойно жить. Пригляди за моим сы-

ном, пожалуйста!!! Я вернусь, как только смогу. Связи со мной пока не будет, когда он к тебе подойдет, я вытащу батарею из мобильного. Ты же знаешь, у нас, кроме тебя, во всем свете никого больше нет. Еще раз прости. Прости меня за все. Регина».

Несмотря на то что в кафе было прохладно — работал кондиционер, Варвара Сергеевна почувствовала приступ духоты. Лицо горело, руки дрожали.

«Люди из прошлого! — стучало в голове. — Все этой дрянни неймется, все играет с огнем!»

— Как тебя зовут? — едва справляясь с волнением, обратилась она к ребенку, как ни в чем не бывало разглядывавшему картинку меню.

— Жаруа.

— Как?!

— Расслабься, — скривил мальчишка розовые и тонкие, будто нарисованные акварельной краской губы. — Мама называет меня Жора.

К столику вернулась официантка:

— Определились?

Девчушка с любопытством разглядывала нарядного чернявого мальчика, он же глядел выжидающе на Самоварову.

— Ладно... Скажи, какое хочешь пирожное, — сдалась Варвара Сергеевна.

— Два эклера: шоколадный и ванильный. И еще... чизкейк!

— Какой именно? У нас есть вишневый, карамельный и классический, — заученно отгарабанила официантка.

— Вишневый. И лимонад. И еще вот это! — Мальчик быстро прокрутил страницы меню и ткнул пальцем в какой-то многослойный, посыпанный шоколадом десерт в стаканчике.

— Вместо шоколадного эклера? — улыбаясь, уточнила девчушка.

Мальчик, сдвинув густые черные бровки, задумался и неохотно выдал:

— Ага.

— А попа у тебя от трех десертов не треснет? — не сдержалась Самоварова.

— Ты прямо как мама сейчас сказала! — улыбнулся мальчишка, и на сей раз его улыбка была по-детски обезоруживающей.

— Хорошо. Девушка, принесите, пожалуйста, все это и для меня двойной эспрессо.

— А из десертов что для вас?

Самоварова была неисправимой сладкоежкой.

Живя с доктором, лакомиться дома она почти не могла — в последние ковидные годы Валерий Павлович, почти полностью отказавшийся от сахара, пуце прежнего следил за тем, чтобы и она питалась правильно, но пару раз в неделю Варвара Сергеевна совершала вылазки в хорошие городские кофейни и в одиночестве наслаждалась каким-нибудь вредным и вкусным десертом.

— Бутылку воды. Небольшую и не холодную.

Есть категорически не хотелось.

Как только официантка отошла, Варвара Сергеевна приляглась во все глаза разглядывать чудо-мальчонку.

— Так... Мама что сказала? Долго нам здесь сидеть?

— Здесь? Не зна-а-ю... Но мама сказала, если ты меня не заберешь, меня заберут полицейские или волонтеры и отдадут в детдом! — уверенно, словно отвечая у доски хорошо выученный урок, говорил мальчик. — Мама долго жила в детдоме, сказала, что там ад. Там... — Жора задумался, явно вспоминая нужные слова, — там кормят тухлятиной, бьют и все время кричат. А если заболеешь, можно и коней двинуть, потому что на тебя всем пофиг.

— Не говори глупости! — повысила голос Самоварова.

Нервы были на пределе — да и тема, которую так легко затронул этот чертенок, была для нее болезненной.

— А еще мама сказала, ты можешь исправить несправедливость, — все тем же важным тоном продолжал издеваться он. — Вы обе накосячили, сначала ты, потом она. У вас всегда были сложные отношения.

Самоварова не знала, что больше ее изумляло — неслыханная наглость Регины (было ясно, что она, в очередной

раз что-то задумав своей больной башкой, скинула ей ребенка вовсе не на полчаса!) или то, что этот пятилетний мальчишка рассуждал, да и вел себя как восьми-девятилетний школьник.

— Ну... и как же ты меня узнал? — после паузы тяжело выдохнула Варвара Сергеевна.

— Твое фото висит у нас в комнате на стене. Оно всегда там висело. Ты красивая, только теперь стала старая. — Жора беспардонно вглядывался в Варварино лицо, затем перевел взгляд на ее нервно крутившую салфетку руку.

Самоварова машинально убрала руку со стола.

— Что... так плохо выгляжу?

— Я же тебя никогда раньше не видел, — искрил на нее своими угольными глазенками Жора. — Но ты сидела здесь, а мама так и сказала, что ты будешь сидеть за этим столиком, и я тебя сразу узнал. А на фото, мама сказала, тебе нет еще и тридцати. Хотя тридцать, — задумался мальчик, — это тоже почти старость.

— Да прекрати ты болтать глупости! Тебя мама почти в сорок родила. Что, мама твоя разве старая? — не зная, как вести этот дурацкий диалог, зачем-то спросила Самоварова.

— Не... мама крутая! — с гордостью выпалил он.

— Раз она такая крутая, зачем она тебя здесь бросила?

— Она меня не бросила, а отвела к тебе. На время. Слушай, а ты правда ментовка? — жадно пялились на нее круглые глазенки.

— Не ментовка, а бывший следователь. А мама твоя, похоже, воспитывая тебя, выражений не выбирает.

Мальчик насупился:

— Неправда... Мама занимается моим всесторонним развитием. Мы с ней ходим в оперу и на балет. А еще читаем Пушкина.

— М-да?.. И как часто?

Подоспевшая официантка неопытной рукой выставляла с подноса на стол кофе, воду и лимонад. Большой стакан с лимонадом задел салфетницу, качнулся и из него немного пролилось на стол.

— ...Пирожные через пару-тройку минут будут, — подтирая стол салфеткой, бормотала девушка. — Заказов много.

Девушка отошла, а мальчик продолжал сердито молчать.

— И что еще она тебе говорила? — смягчила голос Варвара Сергеевна. Все же перед ней сидел ребенок, и... чем черт не шутит, возможно, из исчадия ада получилась неплохая мать.

— То и говорила, что у тебя характер поганый! — зло выпалил он. — Потому что ты долго работала ментовкой.

— Уф... давай договоримся. Если ты действительно считаешь, что провести какое-то время со мной, что бы ни говорила тебе обо мне твоя мама, будь добр, разговаривай со мной и говори обо мне уважительно. Понимаешь, что такое уважительно? Ты в детский сад ходишь? Как ты там разговариваешь с воспитательницей?

— Нет, — помотал головой Жора. — Детский сад — это детдом, только в лайтовом варианте.

— Что... мама так сказала?

Он кивнул и, засунув в рот трубочку, принялся жадно пить из стакана.

— И что же ты делаешь целыми днями?

— Гуляю, читаю и рисую с мамой, — выдув разом почти половину мятного лимонада, нехотя оторвался от стакана Жора. — А если ей надо на работу, иду с ней и жду ее в коридоре.

— И где же мама работает? — осторожно спросила Сомоварова.

Шесть лет назад Регина занималась тем, что безбожно морочила оказавшимся в затруднительном положении людям голову и брала за это баснословные деньги.

— Мама лечит людей! — с достоинством заявил мальчишка. «Понятно... Все никак, шельма, не угомонится...»

— А где она их лечит? В какой-то клинике?

Жора поглядел на нее, как показалось Самоваровой, свысока:

— Мама — редкий доктор. Мы приходим к ним домой. Потому что мамины клиенты очень важные люди и по клиникам не ходят.